

Исполнительское искусство как молитва

ДОКЛАД

Сейчас настало время, когда уже многие умеют играть виртуозно. Похвальное достижение! Например, профессор Виктор Карпович Мержанов (1919-2012) нам рассказывал, как он сам раньше учился в Московской консерватории, и это было до Великой отечественной войны, и когда из класса звучал «Мефист-вальс» Ф.Листа, то они с удивлением восхищались! Когда же там училось наше поколение, эта пьеса уже многим студентам была доступной. А теперь ее играют двенадцатилетние дети! Повысился не только уровень технический, но и музыкальный. А дальше куда? Не видим ли, как когда-то бывшие мировые звезды с годами начинали играть «странно». Чтобы человеку совершенствоваться бесконечно, ему необходима бесконечная цель.

Музыканты, словно птицы, призваны лететь, петь и славословить Творца. Но не нашей волей проявляется музыка в первородной своей красоте. Нет у нее ни единой ноты, которая одним соблюдением какого-то закона прозвучит с непременными результатами. Почему? Потому что мы, как рыба в океане, во время игры находимся в постоянно меняющемся движении.

Преподобный Исаак Сирин, великий учитель Православной Церкви VI века, везде упоминает, что молитва есть движение. *«Всякая, какого бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредством **движений**»* (Слово 16-е). И дальше он говорит, как к этому молитвенному движению дается и ответная благодать.¹ То есть, нашему молитвенному движению отвечают с Неба, и тогда оно,

*«Но [святые,] во время молитвы созерцание ума устремлено к Единому Богу и к Нему направляет все свои **движения**, Ему от сердца, с рачением и непрестанною горячностью приносит моления. И посему-то в это время, когда у души бывает одно-единственное попечение, прилично источаться Божественному благоволению»* (Слово 16-ое); *«В это время, в которое совершаются молитвословия, и моления пред Богом, и собеседование с Ним, человек с усилием отовсюду собирает воедино все свои **движения** и помышления и погружается мыслью в Едином Боге, и сердце его наполнено бывает Богом; и оттого уразумевает он непостижимое. Ибо Дух Святой, по мере сил каждого, действует в нем, и действует, заимствуя вещество из того самого, о чем кто молится»* (Там же).

преобразившись, становится более светоносным.

Уединиться внутри себя, чтобы возносить Богу молитву и от Него получать благие движения — стиль гениальных, глубоко верующих музыкантов: И.С.Баха, Г.Ф.Генделя, Л.Бетховена, Р.Шумана и многих других. И великие русские композиторы не были исключением, наоборот, у них особенно ярко выражалась эта черта. П.И.Чайковский и С.В.Рахманинов даже считали себя отшельниками, и жили так, хотя их окружала мировая слава.²

Живя на Западе, Рахманинов увидел, что тяга к безмолвию характерна для русских людей. О силе безмолвия преподобный Исаак так объясняет: *«Безмолвие умерщвляет внешние чувства и воскрешает внутренние движения. А занятие внешним производит противное тому: возбуждает внешние чувства и умерщвляет внутренние движения»* (Слово 21-е). Отсюда явствует, почему многие гении для лучшей работы предпочитали внешней деятельности сосредоточенную уединенность. Они берегли и растили внутри себя правильное движение, чтобы музыка исходила беспрепятственно «от сердца к сердцу». Они знали, что всякие земные попечения вредят возникновению этих чистых музыкальных движений. Потому что, как сказал Рахманинов, «музыка есть любовь», а любовь требует чистоты.

Как бы подтверждая вышеуказанное стремление гениев, преподобный Исаак излагает чудное действие молчания: *«...молчание чистых один из христоносных мужей называет молитвою, потому что помыслы их суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного»* (Слово 21-е). Видите ли, где источник нашего сокровенного пения? где сокровенный родник богоугодной музыки?

И это сугубо важная вещь. Потому что у исполнителей, которые играют не просто ноты, а живую музыку, естественно возникает

² Чайковский за один год до своей кончины, отвечая на вопрос, сказал: *«Для работы удаляюсь в своё клинское убежище или в какой-нибудь тихий заграничный уголок, причём веду отшельническую жизнь»*. (Журнал "Петербургская жизнь" в ноябре 1892 года). Рахманинов в поздний период, вспоминая о любимой Ивановке, говорит: *«...в мыслях русских людей о земле есть какое-то стремление к покою, к тишине, ...и отчасти стремление к замкнутости, к одиночеству. Мне кажется, в каждом русском человеке есть что-то от отшельника. Начал я говорить об этой тяге к земле, потому что и у меня она имеется»*. (ЛН. т. I, ст.52. Воспоминание).

стремление проникнуть не только в мысль композиторов, но и в духовное движение их. На справедливость этого стремления намекает и сам Рахманинов: «В процессе создания сочинения композитор, безусловно, вдохновлен, и если исполнитель познает такую же радость, которую испытывал автор в момент творчества, что-то новое и необычайное входит в его исполнение» [2; 239]. В духовное движение можно проникнуть только духовным движением, то есть, по слову Исаака Сирина, добродетелями и мерою внутренних движений, которыми быть внутри движений существ, нами видимых. Только очищенным внутренним движением, иначе говоря, внутренним оком, можно увидеть духовное движение композиторов, сотворивших музыку уединенной молитвой.

А что же происходит, когда музыкант в своих силах с помощью Божией очищает себя и свои внутренние движения? Он своей душой становится на пороге вечности. Перед его очами светлый бесконечный горизонт, к которому он идет и поет. Его пение становится для нас прощальным. Он видит свое ничтожество в любви Божией, и играет уже не для себя, даже не для людей, а для того, чтобы приносить свое покаяние Единому Богу, ради испрашивания прощения о своих грехах. Неслучайно японское слово «петь» (утау 歌う) исходит из слова «выпрашивать; умолять» (уттау 訴う). И преподобный Исаак говорит: «Богу тогда только желателен труд человеческий, когда приносишь ты Ему жертву любви – скорбь свою» (Слово 31-ое).

Вот, мы подошли к надежной точке. Здесь Альфа и Омега поющего музыканта. Нам трудно оставить накопленные труды, мастерство и успехи. Они невольно оковывают нас. Трудно богатым войти в Царствие Небесное. Но невозможное человеку возможно Богу! Вспомним, как В.С.Горовиц ушел в «затвор» и в результате преобразился. «Цель творчества — самоотдача», восклицает Б.Л.Пастернак. И С.И.Танеев отметил, как в музыку выливается духовное состояние человека, говоря: «Какие люди, такая и музыка».³

Чтобы бесконечно совершенствоваться, нам нужно отвергать себя.

³ Из письма Танеева к Чайковскому от 6 августа 1880 г. См.: Танеев, С.И. Чайковский П.И. Письма / Сост. и ред. В. А. Жданова. – М., 1951. С. 50.

Пока мы полны собою, Дух не войдет в нас. А когда войдет, тогда открывается для нас истинная онтологическая, небесная красота. Но, как ни тщательно мы готовимся, далеко не всегда наше исполнение получается идеальным. И это потому, что так Богу угодно, чтобы мы не погибли духовно, возгордившись сами о себе.

Теперь во всех делах человечества главным критерием поставляется мнение людей: настаивают прислушиваться к мнениям окружающих «господ», но только не Господа Бога. Отсюда зачастую происходит оскудение искусства. Нужно обострять свой внутренний слух!

Слух обостряется в тишине. Покаявшийся человек хорошо слушает. С этим слухом лучше уловляется движение души. Как ни парадоксально звучит, музыка в идеале исполняется духовной тишиной. Профессор В.К.Мержанов всячески утверждал: «Музыка должна разговаривать».⁴ После достижения определенного уровня мастерства, пианисты могли бы разговаривать своей внутренней тишиной. Да! Музыка должна разговаривать, а не я!

Чистый родник музыкального движения открывается, когда мы живем с молитвой и покаянием, и в глубине души слышим мановение свыше. В этой тишине, если будет дуновение Духа Святого, мы можем лететь, петь и славословить Бога, Дарующего нам эту чудесную жизнь! Аминь.

⁴ Так и его книга называется. В.Мержанов. Музыка должна разговаривать. Москва, 1997.